

Pascal, Pz.

Паскаль.

Pysli o religii.

МЫСЛИ О РЕЛИГИИ.

Переводъ съ французскаго

С. ДОЛГОВА.

Издание 2-е.

Типографія Товарищества

И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.

МОСКВА. — 1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 октября 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Очеркъ жизни Паскаля	7

Мысли Паскаля.

Статья	I. Общее понятіе о человѣкѣ	13
"	II. Величіе человѣка	22
"	III. Суетность человѣка, воображеніе, самолюбіе.	27
"	IV. Слабость человѣка, непрочность его естественныхъ познаній.	35
"	V. Жалкое состояніе человѣка.	41
"	VI. Удивительныя противоположности, встрѣчающіяся въ природѣ человѣка въ отношеніи истины, счастья и многихъ другихъ вещей	50
"	VII. Противъ равнодушія атеистовъ	57
"	VIII. Разумнѣе вѣрить, чѣмъ не вѣрить въ то, чему учитъ христіанская религія	63
"	IX. Признаки истинной религіи	68
"	X. Истинная религія доказывается заключающимися въ человѣкѣ противоположностями и первороднымъ грѣхомъ	73
"	XI. Подчиненіе и власть разума.	80
"	XII. Изображеніе человѣка, который, испытавъ тщетность усилій обрѣсти Бога однимъ разумомъ, началъ читать писаніе	83
"	XIII. Объ евреяхъ	87
"	XIV. О прообразахъ; прообразный характеръ древняго закона	97
"	XV. Объ Иисусѣ Христѣ	105
"	XVI. Свидѣтельства объ Иисусѣ Христѣ пророковъ.	110
"	XVII. Различныя свидѣтельства объ Иисусѣ Христѣ	116

Статья	Стр.
„ XVIII. Для чего Богъ, скрываясь отъ однихъ, обнаруживаетъ Себя другимъ	121
„ XIX. Ветхій и Новый Заветъ въ существѣ одна религія .	126
„ XX. Истинное, благотворное познание Бога достижимо только чрезъ Иисуса Христа	129
„ XXI. Мысли о чудесахъ	133
„ XXII. Различныя мысли о религіи	140
„ XXIII. Размышленія о Тайнѣ Христовой	172

П р и л о ж е н і я .

Размышленія о смерти	181
Молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней . . .	192
Сравненіе древнихъ христіанъ съ нынѣшними	201
Объ обращеніи грѣшника	205

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ПАСКАЛЯ.

Власій Паскаль родился въ Клермонѣ 19 іюня 1623 года. Отецъ его занималъ довольно видный постъ на французской государственной службѣ. Это былъ весьма образованный, даже ученый человѣкъ и притомъ хорошій христіанинъ. Замѣтивъ въ сынѣ рѣдкія способности ума и не желая довѣрить его воспитаніе постороннимъ людямъ, онъ самъ взялъ на себя эту заботу. Держась того взгляда, что раннее систематическое обученіе можетъ повредить успѣхамъ сына, онъ ограничивался бесѣдами, гдѣ въ общихъ чертахъ знакомилъ мальчика съ начатками грамматики, объяснялъ нѣкоторые явленія природы и т. п. Мальчикъ очень любилъ эти бесѣды, но не могъ удовольствоваться тѣми, большею частью поверхностными, объясненіями, которыми отецъ ограничивался въ виду возраста сына, а всегда старался узнать дѣйствительную причину явленія. Удовлетворить его пылливость было не легко: онъ былъ доволенъ только тогда, когда истина становилась для него очевидной.

Однажды онъ замѣтилъ, что ударъ ножомъ по тарелкѣ производить звукъ, прекращавшійся тотчасъ, какъ на тарелку клали руку. Заинтересовавшись этимъ, онъ самъ началъ производить опыты для наблюденія звука. Результатомъ этихъ дѣтскихъ изысканій былъ, по словамъ его сестры, весьма дѣльный для такого возраста трактатъ о звукѣ. Мальчику было въ то время только 12 лѣтъ.

Присутствуя при ученыхъ бесѣдахъ отца съ его друзьями, гдѣ большею частію рѣчь шла о математикѣ, мальчикъ заинтересовался этой наукой и просилъ отца сообщить ему, въ чемъ она заключается. Отецъ, зная, насколько математика способна завладѣвать умомъ въ ущербъ другимъ знаніямъ, и намѣреваясь обучить сына сначала древнимъ языкамъ, совѣмъ не хотѣлъ пока знакомить его съ математикой. Юному Паскалю, послѣ долгихъ просьбъ, удалось лишь

узнать отъ отца, что геометрія даетъ средства строить точныя фигуры и находить между ними взаимныя отношенія; но, затѣмъ, отецъ запретилъ ему дальнѣйшіе вопросы, спряталъ всѣ бывшія въ домѣ книги по математикѣ и даже избѣгалъ упоминать о ней въ присутствіи сына.

Несмотря на такія предосторожности, мальчикъ тайно отъ отца, безъ всякой посторонней помощи, не имѣя иного руководителя, кромѣ своего природнаго разсудка, старался проникнуть въ тайны этой науки. Пользуясь всякой свободной минутой, онъ убѣгалъ въ отдѣльную комнату и тамъ чертилъ углемъ на полу треугольники, круги и другія фигуры, даже не зная ихъ настоящаго обозначенія, и такъ мало-по-малу изобрѣтенными имъ самимъ средствами и способами переходилъ отъ простѣйшаго къ болѣе сложному. Наконецъ, отецъ засталъ его однажды за подобнымъ занятіемъ. Оказалось, что мальчикъ былъ занятъ въ эту минуту разрѣшеніемъ очень трудной математической задачи.

Пораженный и восхищенный отецъ, конечно, не могъ далѣе противиться сыну и далъ ему полную волю и всѣ средства продолжать его занятія. Получивъ свободу, юноша сталъ быстро подвигаться впередъ.

Но столь напряженная умственная дѣятельность въ такомъ раннемъ возрастѣ значительно разстроила его здоровье.

Около этого времени, а именно въ январѣ 1646 года, отецъ Паскаля вывихнулъ себѣ ногу. Онъ обратился за помощью къ двумъ искуснымъ хирургамъ, которые по этому случаю провели у него около трехъ мѣсяцевъ. Знакомство съ этими лицами, ихъ назидательныя, благочестивыя бесѣды и строгій образъ жизни не замедлили оказать вліяніе на всю семью Паскаля. Плодомъ этого вліянія было то, что семья обратилась къ чтенію тѣхъ самыхъ книгъ, коимъ эти лица были обязаны своимъ обращеніемъ къ христіанской добродѣтели; таковы были въ особенности сочиненія Янсенія, Сень-Сирана и Арно. Больше всего это чтеніе отразилось на воспріимчивомъ и глубокомъ умѣ Власія Паскаля. Усвоивъ себѣ изъ этихъ книгъ великую христіанскую заповѣдь, повелѣвающую жить только для Бога, онъ рѣшилъ послѣдовать этому ученію. Его необыкновенная энергія увлекла своимъ примѣромъ отца и сестеръ, такъ что, по выраженію одной изъ нихъ, онъ какъ бы сдѣлался отцомъ своего отца и своихъ сестеръ. Младшая изъ нихъ, Жакелина, одаренная и красотою, и

богатыми способностями ума и сердца, особенно увлечена была братомъ, такъ что, ради дѣлъ благочестія и созерцательной жизни, покинула свѣтъ, въ которомъ, несмотря на свою молодость, успѣла стяжать себѣ извѣстность своимъ стихотворнымъ талантомъ.

Со времени смерти отца, послѣдовавшей въ 1651 году, Паскаль опять предался своимъ научнымъ занятіямъ и, какъ всегда, съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Если при жизни отца небольшія путешествія и другія семейныя удовольствія нѣсколько подкрѣпляли его слабое тѣло, то теперь когда этого не стало, его неумѣренныя труды опять отразились на его здоровьѣ, и прежніе его недуги проявились съ новою силою. Къ этому присоединилось еще то, что сестра его Жакелина, обществомъ которой онъ особенно дорожилъ, поступила монахиней въ Поръ-Рояль, куда она давно собиралась, но, пока живъ былъ отецъ, не хотѣла его покинуть.

Несмотря на всѣ старанія нѣсколькихъ врачей, болѣзнь Паскаля не поддавалась лѣченію, такъ что имъ оставалось только одно средство — посоветовать Паскалю отрѣшиться отъ его умственныхъ трудовъ и искать развлеченій. Трудно было Паскалю рѣшиться послѣдовать такому совѣту. Среди свѣта онъ боялся утратить свое религиозное настроеніе. Считаая, однако, позволительнымъ съ христіанской точки зрѣнія не пренебрегать своимъ здоровьемъ, онъ понемногу сталъ посѣщать свѣтъ и, какъ говорятъ, одно время помышлялъ даже о женитьбѣ. Но однажды — это было въ 1654 году, Паскаль ѣхалъ съ нѣсколькими знакомыми въ Нейли въ каретѣ, запряженной четверкой цугомъ. При въѣздѣ на мостъ передняя пара лошадей, взбѣсившись, понесла экипажъ прямо въ рѣку; только благодаря тому, что въ этотъ моментъ оборвались постромки, лошади одиѣ упали въ рѣку, а экипажъ удержался на берегу. Это чудесное, въ глазахъ Паскаля, спасеніе его отъ неминуемой смерти произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ тутъ же рѣшился, и уже безповоротно, покинуть свѣтъ, видя въ этомъ событіи направлявшій его судьбу перстъ Божій. Такому рѣшенію въ значительной степени помогла сестра его Жакелина, бывшая уже тогда монахиней и далеко не сочувственно относившаяся къ происшедшему было въ братѣ повороту въ сторону свѣта.

Чтобы порвать завязавшіяся было свѣтскія отношенія, Паскаль удалился въ деревню и сразу установилъ порядокъ своей жизни на самыхъ строгихъ началахъ умѣренности и воздержанія отъ

малѣйшихъ излишествъ, ограничивая свои потребности лишь крайне необходимымъ. Все время онъ посвящалъ молитвѣ и чтенію св. писанія и отцовъ Церкви. Онъ читалъ такъ много и съ такимъ усердіемъ, что зналъ почти наизусть все писаніе.

Въ 1656 г. племянница и крестница Паскаля, приложившись къ выставленной въ церкви Поръ-Рояля для благоговѣйнаго лобызанія иглъ изъ терноваго вѣнца Спасателя, получила исцѣленіе отъ жестокой болѣзни глазъ, которою страдала три съ половиною года и отъ которой не могли излечить ее никакія усилія знаменитѣйшихъ врачей Парижа.

Этотъ случай глубоко тронулъ Паскаля; онъ былъ несказанно радъ, что Богу благоугодно было обнаружить Себя совершеніемъ чуда въ такое время, когда общество было столь сильно заражено невѣріемъ. Подъ впечатлѣніемъ этого событія у него явилось нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о чудесахъ¹⁾, и еще болѣе укрѣпилось его еще ранѣе задуманное намѣреніе написать обширное сочиненіе въ опроверженіе главнѣйшихъ и наиболѣе ложныхъ умствованій атеистовъ. «Онъ тщательно изучалъ ихъ, изощряя свой умъ въ изысканіи средствъ убѣдить ихъ. Онъ вполне отдался этой задачѣ. «Послѣдній годъ его работы пошелъ весь на собраніе различныхъ мыслей по этому предмету», говоритъ его сестра. Онъ записывалъ все, что великій умъ и горячая любовь къ христіанской истинѣ подсказывали ему по поводу того или другого вопроса вѣры, возникавшаго при бесѣдахъ съ посѣщавшими его друзьями, или при чтеніи. Когда, удрученный болѣзнями, онъ не въ состояніи былъ держать перо, то диктовалъ другимъ. Онъ думалъ написать систематическое сочиненіе, но этой цѣли не суждено ему было достигнуть; усилившіяся страданія заставили его прекратить этотъ трудъ, такъ какъ съ 1658 года онъ уже не могъ ни читать, ни писать.

Болѣзнь его была очень сложная: смѣсь коликъ, непрерывныхъ головныхъ и зубныхъ болей, обмороковъ и т. п. Всѣ эти мученія онъ переносилъ съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, никогда не жаловался, напротивъ того, еще благодарилъ Бога за ниспосланіе ему болѣзней, такъ какъ, по его словамъ, болѣзненное состояніе есть истинное и надлежащее состояніе христіанина²⁾. Разставшись съ свѣтомъ,

¹⁾ См. „Мысли о чудесахъ“, ст. XX.

²⁾ Обращаемъ вниманіе читателя на помѣщенное въ нашъ переводъ „Молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней“.

1 -экз.	В. / О. МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА.	
Из-во	ПАСКАЛЬ,	103/30
Автор	Месли о религии. Перев. с франц.	481/41
Название	С. Дюглана. Изд. 2-е. М. 902.	24/7.
Год	ОТВЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	
-уд	41/962.	Дати записка

ть всякихъ удобствъ, отъ
дъ, хотя самое невинное
амъ ухаживаль за собою,
ого бѣдняка, за которымъ
пришлось не меньше по-

сѣдующихъ словъ, сказан-
любя бѣдныхъ, я такъ
отъ, кто въ своей жизни
говъ былъ отдать на это
иятствовали родственники,
жить. На эти уговоры
что какъ бы человекъ
аки что -нибудь у него

ютря на то, что всё его
жить только въ Богѣ и
и тѣмъ -нибудь не измѣ-
иємъ, гордостью или ка-
ия этой цѣли онъ, между
ий, утыканный остріями,
ли, суетная мысль, или
ѣста, гдѣ находился, онъ
щую боль, и тѣмъ напо-
ь казался ему столь по-
мой смерти, даже тогда,

Наконецъ, 19 августа 1662 года, эта подвижническая, многостра-
дальная, исполненная неустойчивыхъ трудовъ и величайшихъ стремле-
ній, жизнь кончилась, и сбылись сказанныя нѣкогда имъ самимъ
слова: «смерть является вѣнцомъ блаженства души и началомъ бла-
женства тѣла».

Насколько Паскаль жаждалъ горячей, живой вѣры и какъ онъ
радъ былъ, когда получилъ ее, видно изъ слѣдующаго. Послѣ его
смерти найдены были зашитыми въ его одежду два небольшихъ листа
бумаги и пергамента, и на томъ и другомъ оказались записанныя
его рукой слѣдующія слова:

Лѣто отъ Рождества Христова 1654.

Понедѣльникъ, 23 ноября, день св. Климента, папы и мученика, и другихъ по Четьи-Миней, канунъ дня св. Христофора, мученика и др.

Часовъ съ десяти съ половиною и до половины первого ночи.

О Г О Н Ъ.

Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Иакова,

А не философъ и ученыхъ.

Увѣренность. Увѣренность. Чувство. Радость.

Миръ.

Богъ Иисуса Христа.

Богу Моему и Богу вашему.

„Твой Богъ будетъ моимъ Богомъ“.

Забвеніе міра и всего, кромѣ Бога.

Его можно обрѣсти только путями, указанными Евангеліемъ.

Величіе души человѣческой.

„Праведный Отче, міръ не позналъ Тебя, а Я позналъ Тебя“.

Радость, радость, радость, слезы радости.

Я отдался отъ Него:

„Мене оставиша, источника воды жива“.

Боже мой, оставишь ли меня?

Да не буду разлученъ съ Нимъ вѣки.

„Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа“.

Иисусъ Христосъ.

Иисусъ Христосъ.

Я разлучился съ Нимъ; я отъ Него бѣжалъ, отрекся, распиналъ Его.

Да не разлучусь съ Нимъ вѣки.

Хранить Его можно только путями, указанными въ Евангеліи.

Отреченіе полное и сладостное.

Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику.

Вѣчная радость за одинъ день подвига на землѣ.

Не забуду словесъ Твоихъ. Аминь.

Эти отрывочныя слова, этотъ какъ бы шопотъ бесѣдующей съ собою души, показываютъ насколько истомилась она въ ожиданіи великой минуты, когда благодатный свѣтъ свыше озаритъ ее, когда вѣра станетъ живою силою, двигающею и направляющею всѣ остальные силы души, и наступитъ желанный конецъ всякимъ сомнѣніямъ.

С. Доловъ.

МЫСЛИ ПАСКАЛЯ.

С Т А Т Ь Я I.

Общее понятіе о человѣкѣ.

(Вотъ къ чему приводятъ насъ естественныя познанія. Если они не истинны, то совсѣмъ нѣтъ истины въ человѣкѣ; если же, напротивъ, они истинны, то онъ находитъ въ нихъ великій поводъ къ смиренію, будучи принужденъ принизить себя тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ какъ онъ не можетъ существовать, не вѣря имъ, то хотѣлось бы, чтобы онъ, прежде чѣмъ приступить къ самымъ обширнымъ изслѣдованіямъ природы, не торопясь и серьезно посмотрѣлъ на нее, взглянулъ бы также на самого себя и разсудилъ, имѣетъ ли онъ какую-нибудь соразмѣрность съ нею при сравненіи имъ этихъ двухъ предметовъ ¹⁾).

Пусть же разсмотритъ человѣкъ всю природу въ ея высокомъ и полномъ величіи; пусть перенесетъ свой взоръ съ низшихъ окружающихъ его предметовъ къ тому блестящему свѣтилу, которое подобно вѣчной лампадѣ освѣщаетъ вселенную. Земля покажется ему тогда точкою въ сравненіи съ необъятнымъ кругомъ, описываемымъ этимъ свѣтиломъ ²⁾); пусть онъ подивится тому, что этотъ необъятный кругъ, въ свою очередь, не больше какъ очень мелкая точка въ

¹⁾ „Этихъ двухъ предметовъ“, т. - есть чловѣка и всей природы. Все это вступленіе было вполсѣдствіи оскорбено Паскалемъ.

²⁾ Паскаль приспосаблиется къ прежнему воззрѣнію, по которому солнце и звѣзды обращаются вокругъ земли (*Э. Гавэ*).

сравненіи съ путемъ, который описываютъ въ небесномъ пространствѣ звѣзды. Но когда взоръ его остановится на этой грани, пусть воображеніе уходитъ дальше: скорѣе утомится оно, чѣмъ истощится природа въ снабженіи его все новою пищей. Весь этотъ видимый міръ есть лишь незамѣтная черта въ обширномъ лонѣ природы. Никакая мысль не обниметъ ея. Сколько бы мы ни тщеславились нашимъ проникновеніемъ за предѣлы мыслимыхъ пространствъ, мы воспроизведемъ лишь атомы въ сравненіи съ дѣйствительнымъ бытіемъ. Эта безконечная сфера, центръ коей вездѣ, а окружность нигдѣ. Наконецъ, самое осязательное свидѣтельство всемогущества Божія это то, что наше воображеніе теряется въ этой мысли.

Пусть, пришедши въ себя, человѣкъ посмотритъ, что представляетъ онъ въ сравненіи со всѣмъ бытіемъ, пусть представитъ себя какъ бы заблудившимся въ этомъ далекомъ уголкѣ природы и пусть по этой кельѣ — я разумѣю вселенную нашу — онъ научится цѣнить землю, царства, города, и себя самого, въ своемъ истинномъ значеніи.

Что такое человѣкъ въ безконечномъ?

Но чтобы увидать другое столь же удивительное чудо, пусть онъ изслѣдуетъ одинъ изъ мельчайшихъ извѣстныхъ ему предметовъ. Пусть въ крошечномъ тѣлѣ какого-нибудь клеща онъ рассмотритъ еще мельчайшія части, ножки со связками, вены въ этихъ ножкахъ, кровь въ этихъ венахъ, жидкость въ этой крови, капли въ этой жидкости, паръ въ этихъ капляхъ; раздѣлая еще эти послѣднія вещи, пусть онъ истощитъ свои силы въ этихъ представленіяхъ, и да будетъ послѣдній предметъ, къ которому онъ придетъ, предметомъ нашего разговора. Можетъ-быть, онъ подумаетъ, что это уже самая малѣйшая малость въ природѣ. Но я покажу ему новую бездну въ ней. Я нарисую ему не только видимую вселенную, но и мыслимую необъятность природы въ рамкѣ этого атомистическаго ракурса. Онъ увидитъ безчисленное множество міровъ, каждый съ своимъ особымъ небомъ, планетами, землею такихъ же размѣровъ, какъ и нашъ видимый міръ; на этой землѣ онъ увидитъ животныхъ и, наконецъ, тѣхъ же насѣкомыхъ, и въ нихъ опять то же, что нашелъ въ первомъ; встрѣчая еще въ другихъ существахъ то же самое, безъ конца, безъ остановки, онъ долженъ потеряться въ этихъ чудесахъ, столь же изумительныхъ по своей малости, сколько другія по ихъ громадности. Ибо какъ не придти въ изумленіе, что наше тѣло,

дотолѣ незамѣтное во вселенной, которая, въ свою очередь, незамѣтна въ нѣдрахъ всей природы, вдругъ стало колоссомъ, міромъ, скорѣе всѣмъ, въ сравненіи съ недостижимымъ для воображенія ничтожествомъ? Кто посмотритъ на себя съ этой точки зрѣнія, испугается за себя самого. Видя себя въ природѣ помѣщеннымъ какъ бы между двумя безднами, безконечностью и ничтожествомъ, онъ содрогнется при видѣ этихъ чудесъ. Я полагаю, что его любопытство превратится въ изумленіе, и онъ будетъ болѣе расположенъ созерцать эти чудеса въ молчаніи, чѣмъ изслѣдовать ихъ съ высокоуміемъ.

Да и что же такое, наконецъ, человѣкъ въ природѣ? — Ничто въ сравненіи съ безконечнымъ, все въ сравненіи съ ничтожествомъ, середина между ничѣмъ и всѣмъ. Отъ него, какъ безконечно-далекаго отъ постиженія крайностей, конецъ вещей и ихъ начало бесспорно скрыты въ непроницаемой тайнѣ; онъ одинаково неспособенъ видѣть и ничтожество, изъ котораго извлеченъ, и безконечность, которая его поглощаетъ.

Убѣдившись въ невозможности познать когда-либо начало и конецъ вещей, онъ можетъ остано­виться только на наружномъ познаніи середины между тѣмъ и другимъ. Все сущее, начинаясь въ ничто­жествѣ, простирается въ безконечность. Кто можетъ прослѣдить этотъ изумительный ходъ? — Только Винovníкъ этихъ чудесъ постигаетъ ихъ; никто другой понять ихъ не можетъ.

Не обративъ вниманія на эту безпредѣльность, люди дерзнули изслѣдовать природу, какъ будто имѣя нѣкоторую соразмѣрность съ нею.

Странное дѣло: они захотѣли познать начало вещей и дойти такимъ образомъ до постиженія всего — самоувѣренность столь же безконечная, какъ и самый предметъ изслѣдованія. Очевидно, что подобное намѣреніе немыслимо безъ такой самоувѣренности или безъ способностей, столь же совершенныхъ, какъ и природа.

Сознавая же безпредѣльность и недостижимость познанія нами природы, мы поймемъ, что она, отпечатлѣвъ свой образъ и образъ своего Творца во всѣхъ вещахъ, выражаетъ въ большинствѣ ихъ свою двоякую безконечность. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что всякое знаніе безконечно по обширности его предмета; ибо кто сомнѣвается, что геометрія, напримѣръ, можетъ представить неисчисли­мое множество задачъ? Онъ такъ же безчисленны, какъ безконечны ихъ начала, ибо извѣстно всѣмъ, что теоремы, считающіяся послѣдними,